

Владимир Ермолович

Родился в 1967 году в с. Мартюшево Тарского района. Живёт в Таре. Окончил Новосибирский государственный университет. Работал журналистом районной газеты «Ленинский путь», организатором детской редакции и педагогом дополнительного образования в Центре детского творчества. В литературно-краеведческом альманахе «Таряне» публикуется впервые.

ДЕТСТВО В ТАРЕ

Читатели, более-менее регулярно следящие за альманахом «Таряне», в курсе, что, кроме стихов и художественной прозы, заметное место там занимают воспоминания или, если хотите, мемуары. Попробую и я вставить сюда свои пять копеек, поделившись воспоминаниями из самого раннего детства, проведённого в Таре. Для чего? Во-первых, может быть, кто-то с ностальгией вспомнит те годы, конец 60-х и первую половину 70-х, и это будет приятно. Во-вторых, всё меньше правды и всё больше легенд о жизни в СССР, кто-то её идеализирует, а кто-то представляет в самых мрачных тонах, реальность где-то посередине, и я пытаюсь описать её так, как видел тогда своим детским взглядом. А в-третьих, и главное, писать ничего не пришлось, потому что этот текст был написан ещё в 2013 году на форуме сайта тар4анин.ру в теме «Я родился в Таре», где завсегдатаи сайта делились своими воспоминаниями, и сейчас мне осталось лишь слегка отредактировать его, удалив не совсем литературную лексику. Потому что выражение «Лень раньше тебя родилась» – это как раз обо мне, и заставить себя делать всё это заново я бы уже не смог.

Я родился не в Таре. В Тару из деревни мы переехали, когда мне был год с небольшим, в 1968 году. Тогда закрылся маленький сельский маслозавод, маме надо было искать другую работу, и на переезд в город сагитировал директор ещё старого тарского маслозавода Шатов, знавший её

давно как опытного лаборанта. Ну, а для отца, хорошего электрика, работа найдётся всегда.

Рассказывают, что весна 1968-го здесь была невероятно ранней. В конце марта, когда грузовик с нами и нашими вещами переезжал Иртыш по хрупкому весеннему льду с нарушением всех норм безопасности, стоявшая на льду вода едва не доходила до кабины. В Таре в это время снега уже не было, более того, высохла и вся грязь. Короче, практически лето.

Мы поселились в деревянном доме-пятистенке по улице Пролетарской (сейчас это Кузнечная), 112. Это между улицами Мира и Коллонтай и совсем недалеко от большого болота в центре города, где раньше добывали торф, а сейчас понастроили гаражей. Купить дом обошлось больше чем в две тысячи, бешеные тогда деньги, которые назимали у родни и знакомых и долго потом отдавали. Рассказывают, что в 1968-м наш здоровенный огород дал большой урожай картошки и всего остального. Но такой сезон был для нас первым и единственным, и я его просто не помню.

А с весны 1969-го началась совсем другая жизнь. Причём не только для нас, но, как выяснилось, и для всех соседей.

Сначала было всё как обычно. Таял снег, и прибывала вода. В какой-то момент она хлынула в подпол, что тоже бывает у многих. Там она прибывала и вскоре вышла на пол. А поскольку дом был с крыльцом и пол пусть немного, но выше уровня земли, можно представить, что делалось на улице. Всё: и ограда, и все огороды, и наш, и соседские, и даже дорога (Пролетарская), которая была не выше остального – превратилось в огромное озеро.

Вода прибывала со стороны болота и совершенно не собиралась никуда уходить. На улице соседи общими усилиями мастерили мостки на высоченных чурках от каждого дома и потом до самой улицы Мира, где только и заканчивалось наше озеро. Я был трусливым ребёнком, поэтому мостки мне казались очень узкими и страшно

неустойчивыми, и я боялся с них навернуться. А дома приходилось класть доски примерно на 20–30 сантиметров выше уровня пола, и они лежали неделю или больше, пока уровень воды хоть немного не понизится.

Я не знаю до сих пор, как объяснить это явление. Случись такое один раз – можно свалить на снежную зиму и раннюю весну. Но всё дело в том, что такое наводнение у нас повторялось потом восемь лет каждый год вплоть до 1976-го, когда мы оттуда переехали. По какой-то причине было нарушено нормальное отведение талых вод от болота в сторону Аркарки. Канавы для этого (говорят, её в своё время копали заключённые) от болота идёт по переулку Красных Зорь, потом смещается в сторону Линий и старого (Тихвинского) кладбища, становясь всё глубже по мере приближения к Аркарке. И вдруг она перестала справляться со своей функцией. Или это было связано со строительством в те годы городской канализации, когда в ходе масштабной стройки где-то допустили ошибку в устоявшейся «гидросистеме» и не исправили её. Или с подъёмом улицы Мира и положенными не на нужном уровне переливными трубами. Или канава вдруг просто засорилась, но в последнее верится с трудом, не может же такое случиться за один год.

Каждую следующую весну это повторялось с точностью один к одному. Вода стояла достаточно долго, даже когда улица Мира уже подсыхала и становилась проезжей. Запомнилось, как мужики, ехавшие по ней на рыбалку с моторной лодкой и вдруг увидевшие наш водоём, не удержались от соблазна. Остановились, сняли лодку с крыши москвичонка, прицепили мотор и прокатились с рёвом по нашей улице. Высокая волна от моторки ударила по окнам, которые и так были совсем немного выше уровня воды.

Для всех долгое наводнение означало остаться без огородов. Даже когда уровень воды постепенно снижался и она сначала уходила из дома, оставаясь, правда, в подполе почти до осени, а потом

появлялась и возможность обходиться без «экстремальных» мостков, в огородах, которые были ещё ниже, вода продолжала стоять, и картошку приходилось сажать «на поле» – участке за городом, который выделяла организация. Огороды по мере подсыхания к середине лета зарастали не только камышом и осокой, но и другими видами трав, которые скашивались, метались в стог, потом сено переправлялось на сеновал.

Но для старших детей долгое наводнение было ещё и шикарным приключением. Главное – это строительство плотов и катание на них. Плот был не таким плоским и неустойчивым сооружением из брёвен и досок, как представляют себе многие. Самое важное, что обеспечивало грузоподъёмность, – это «бочка». Это могла быть обычная бочка где-то в 100 литров с замурованным верхом, положенная горизонтально и с одним вырезанным боком. Это мог быть и большой бензобак от грузовика, также с вырезанным боком. Для устойчивости эта железная штука вкручена по периметру окружалась крепившимися к ней бревёшками или толстыми досками. Получалась прямоугольная или почти квадратная конструкция с металлической серединой, повернутой вырезанным боком вверх и предназначенной для посадки людей, вполне устойчивая. Во всяком случае, ни одного «водного происшествия» за все эти годы не было. Возможно, маленькому, мне казалось всё больше, чем было реально, но если такой плот держивал двоих подростков и меня, пассажира-дошкольника, то водоизмещение было и в самом деле неплохим. Перемещались на таких плотках, отталкиваясь шестом – длинной палкой, потому что глубина в задней части огорода оставалась порядочной.

Улицу Мира все сейчас представляют себе хорошей дорогой с асфальтовым покрытием, по которой ходят даже автобусы в сторону педуниверситета. Но так было не всегда. Помню, на ней застрял, как раз напротив нашей улицы, огромный трактор К-700! Зрелище было интересное. Сначала он пытался безуспешно выбраться сам, потом пришёл

на помощь другой такой же трактор. Предприняли пару попыток и поняли, что скорее другой застрянет тоже, чем удастся спасти первый. И только когда на помощь пришёл гусеничный Т-100, тяжеленный «Кировец» смогли вытащить из грязи.

Как ни странно, в положение этого трактора, если не хуже, попал однажды и я. Будучи уже первоклассником. То, что Тара – город деревянных тротуаров, общеизвестно. Даже стих на эту тему есть. Такой тротуар, довольно старый, как в том самом стихе, был и на улице Мира от нашей Пролетарской до улицы 5-й Армии – часть моего маршрута в школу (начальную 5-ю школу, ту самую, деревянную, двухэтажную, с печным отоплением, по улице Кирова, которая позже какое-то время была в комплексе с нынешней гимназией №1, потом, по мере ветшания, шли споры о её сносе или сохранении, и в итоге здание было снесено). Итак, по улице Мира от нашей Пролетарской до улицы 5-й Армии был старый тротуар. Но как-то появились новые доски. Уж не знаю, власти ли их предоставили, или сами соседи скидывались, не задавался тогда этим вопросом. И собравшиеся соседи смастерили новенький тротуар, широкий, из ещё жёлтых, не посеревших от времени и грязи досок. Но, не доходя до улицы 5-й Армии, заканчивались жилые дома, и заканчивался тротуар... А дальше была огромная лужа. Это примерно напротив нынешней «Мясной лавки». И вот я, в резиновых сапогах и с ранцем за спиной, преодолев мостки по Пролетарской и добравшись до новенького тротуара, думал, что проблемы по пути в школу закончились. Однако после тротуара была лужа. Зная, что она неглубокая, а на дне ещё остались старые доски, решил преодолеть её вброд. И застрял точно посередине! Доски оказались не везде, а глина засосала оба сапога одновременно! Дёрнулся раз, другой. И почувствовал себя, как Винни-Пух в норе у Кролика, «в безвыходном положении». Звать на помощь было как-то неудобно, да и не было никого поблизости. Тогда, почти как Мюнхгаузен, вытащил руками и переставил

на более твёрдое место сначала одну ногу в сапоге. А потом другую. И покинул несчастную лужу. Надо сказать, отделался легко. Потому что сколько ботинок, туфель и сапог разных видов было оставлено навсегда в тарской грязи – этого не посчитает даже сам археолог Татауров.

Если во всей округе я был один, без сверстников, и просто «болтался», как ответил герой фильма «Один дома» в конце, то у старших была компания и развлечения, в которых я участия не принимал по возрасту. Но с интересом наблюдал. А летом к одной из соседок приезжал из Омска племянник, и компания увеличивалась ещё.

Где-то раздобыли грязно-зелёную краску. И написали другой соседке на воротах самое популярное в СССР слово из трёх букв, которое чаще всего пишут на заборах. Быстрое расследование показало, что виноват тот самый омский племянник. Дядя сурово приказал надпись с ворот устранить. Пацан вооружился топором и стал добросовестно соскребать и стёсывать эти три буквы. Но если грязно-зелёная краска на тёмно-коричневых воротах была не очень-то и заметна, то в стёсанном виде надпись просто сияла! «Увековечиваешь?» – шутиливо спросил его другой сосед, застав за этим занятием. Конечно, потом ворота пришлось перекрашивать...

Взрывать что-то было одним из любимейших детских занятий. В основном помнятся два способа. Первый и не был собственно взрывом. Добывали на стройке карбид – карбид кальция, который при реакции с водой выделяет ацетилен и благодаря этому используется в сварке. В небольшую бутылочку, чаще из-под лекарства, наливалось немного воды, потом сухая трава, и на неё сверху – кусочек карбида, который главное – не намочить заранее, чтобы не разорвало в руках. Бутылочка герметично и крепко закручивалась и бросалась. Уже в полёте на карбид попадала вода, и начиналось интенсивное выделение газа. Бутылёк красиво разрывало, если повезёт, даже в воздухе, ну или вскоре после падения. Бывало, что и не

разрывало совсем из-за слабо закрученной пробки, но к месту падения какое-то время подходить остерегались. Сейчас удивляюсь, как можно было тогда легко раздобыть карбид. И ещё: происшествий с травмами не было. Тогда как уже в 80-е или 90-е, до массового перехода на пластиковые трубы, в Таре была как минимум пара случаев, когда у коммунальной бригады с газосваркой разрывало стоявшую на улице или даже в подъезде эту самую сверхпрочную и предназначенную для большого давления посудину с водой и карбидом, которую сами сварщики шуточно называли «бульбулятор».

Другим способом сделать громкий «бабах» был «взрывпакет» из магния с марганцовкой. Марганцовка в аптеке была общедоступна, а вот магний – надо полагать, ценный металл – дарила нам советская промышленность. Из него, как это ни странно, делались обычные навесные замки. Раздобыв такой замок, наточить с него опилок было уже делом техники. Магниевые опилки перемешивались с марганцовкой в неизвестной мне пропорции и упаковывались в плотный маленький пакетик. К нему подсоединяли бикфордов шнур (тоже доставали неизвестно где?!) или заменявший его пустой стержень от авторучки, набитый спичечными головками. Пакет закрепляли (лучше повыше – для красоты), бикфордов шнур или стержень поджигали и отходили на безопасное расстояние. «Бабах» получался громким, а вспышка – яркой.

Болото... Болото, где сейчас гаражи, казалось чем-то огромным и страшным. Через него вела довольно широкая, но зыбкая тропинка, на которой чувствуешь себя неуверенно. Поэтому ходить по ней приходилось считанное число раз, только по необходимости и с кем-нибудь из взрослых. Хорошо, что я не был знаком тогда с творчеством Пришвина («Кладовая солнца», «Слепая елань» и прочее), а то и вовсе ноги бы моей там не было. Тропинка выводила куда-то в район Школьного переулка (так тогда называлась Школьная улица) – другой и совершенно незнакомый мир. Старшие на болоте бывали

нередко. Там добывались плоды камыша. Точнее, того растения, которое у нас принято называть камышом, хотя Википедия утверждает, что это рогоз. Початки по мере созревания дают много пуха, и их называли «маралки», потому что мараться этим пухом было занятно. Кроме того, где-то в низу стебля находили съедобную часть, довольно вкусную, и ей угощались. На огородах это тоже росло, но до «маралок» не доживало, потому что скашивалось примерно в середине лета, когда всё более-менее подсыхало.

Если большая часть огородов была убита ежегодным наводнением, то по несколько грядок с овощами всё же сажали. Не намного лучше было и у соседей по улице Мира. И важным детским развлечением было под покровом ночи залезть в соседский огород. Это называлось «загнать козла». Делалось это, конечно, не ради наживы и категорически не для того, чтобы навредить соседям, а опять же ради приключений. Главной мишенью такого мероприятия были огурцы. Возможно, соседи в большинстве случаев ничего и не замечали, потому что, взяв несколько «трофеев», всё прочее оставляли в неприкосновенности. Во всяком случае, соседских разборок на эту тему я не помню. Мелкого меня «на дело» не брали, хотя я очень хотел. Однажды оставили ждать в огороде, у сараев, и я честно торчал там в полной темноте, как казалось, очень долго. Луны не было, и отдалённый свет приходил только со стороны строящихся домов 42-го квартала. Закончилось тем, что услышал шум от искателей приключений уже в ограде, куда они вернулись другим путём. На мои обиды они ответили, что, видимо, приняли отразившийся в моих очках свет от стройки за огонёк папиросы и решили, что батя вышел покурить, а сталкиваться с ним ни к чему. То есть я был уже в очках, значит, где-то накануне первого класса.

В 1970 году СССР отмечал юбилей Победы, и по радио говорили об этом очень много. С математикой у меня тогда было всё в порядке, и я наконец-то решился спросить, не помню даже, у кого: почему говорят в

связи с войной про тысяча ДЕВЯТЬСОТ сорок пятый год, который был совсем-совсем недавно? Может, все ошибаются, и правильно тысяча ВОСЕМЬСОТ сорок пятый? Тогда мне всё популярно объяснили. Так я в три года подробнее узнал о войне. Которая и на самом деле была совсем недавно, которая задела всех, на которой погиб дядя, старший брат отца, а сам отец, уже будучи в армии, не успел на фронт в 1945-м каких-то несколько месяцев. А в 1972-м появилось телевидение, где смотрели поначалу всё подряд, про войну там хватало, и едва ли не первым и самым ярким, что запомнилось оттуда, был фильм «Два бойца» и песня «Тёмная ночь» в исполнении Марка Бернеса в нём.

В общем, в этих вопросах вполне ориентировался. И поэтому можно понять, в каком шоке был, когда однажды утром, вставая в кровати, услышал из нашей радиолы: «Внимание, внимание! Говорит Германия! Сегодня под мостом поймали Гитлера с хвостом!»

Такого по радио сказать не могли! Но сказали же!!! К счастью, ситуация довольно быстро нашла объяснение. Связано это было с явлением «радиохулиганства», распространённым в 70-е годы. Других «хулиганов» с их хриплыми голосами и музыкой слушали и раньше, а здесь я присутствовал при первом испытании «нашего» передатчика. Собственно, про радиохулиганство я написал в «Хронике» всё, что мог. Радиохулиганство было увлечением молодёжи. Знавшие толк в радиоделе учащиеся и молодые рабочие собирали нехитрые передатчики и на средних волнах выходили в эфир под забавными позывными: «Блатной крестьянин», «Сын моря», «Старший лейтенант», «Чернобровый» и т.п. Радиохулиганы связывались друг с другом в эфире, гоняли музыку. Говорили, что они мешают авиадиспетчерам, проходящим судам, службе скорой помощи. Милиция боролась с нарушителями: у попавшегося изымали радиоаппаратуру, штрафовали на 50 рублей, предупреждали, что эти действия могут наказываться лишением свободы до пяти лет.

Несмотря на все меры, в 70-е годы можно было найти в эфире «Аристократа» и «Циклопа», «Пьяного зайца» и «Китайского шпиона». И лишь к концу десятилетия увлечение постепенно прошло.

К этому добавить почти нечего. Кроме одного эпизода. В эфире «хулиганы» общались, но «в реале», как сейчас говорят, – гораздо реже и с соблюдением необходимой конспирации. Тем не менее двое прямо в эфире договорились встретиться. Чтобы поговорить, обменяться музыкой. Диалог был примерно такой: «От десятого далеко живёшь?» – «Почти рядом». – «Приходи сейчас». – «Могу через полчаса». – «Хорошо». Через полчаса – потому что реально бежать до 10-го магазина было далеко. Это был ещё старый, деревянный 10-й, и на месте выяснилось, что в магазине есть несколько подходящих мужиков, и каждый из них может оказаться «Ночным кочегаром» – под таким позывным выходил в эфир назначивший встречу. Но никто себя не выдавал. Как найти нужного или дать знать о себе? Помог отчасти случай. «Холодно у вас в магазине», – сказал кто-то продавщице. «Наверное, ночной кочегар плохо протопил», – вставил второй из пришедших на встречу. Один из мужиков вдруг обернулся с удивлением, увидев пацана, ещё школьника: «Ты, что ли? Ну, пошли...» И общение...

Как и у большинства детей и подростков, одним из увлечений было строительство разных «жилых» сооружений. Обязательными в таком сооружении были «нары» (лежанка) и столик, крепившийся обычно к одной из стенок. Весь остальной уровень благоустройства мог быть разным и повышался по мере взросления «строителей». У нас каждый такой объект почему-то носил имя собственное. Первым и самым примитивным была «Будка» – в ограде, рядом с домом, на глазах у всех. Кажется, там не было даже электричества! Интерес к Будке был быстро утрачен, и дальше она использовалась как помещение для складывания инструментов и разных железяк. В сарае был «Кабачок» – надо полагать, в честь

популярной тогда телепередачи. В Кабачке было уже и электричество, и музыка, и площадь побольше. В другом сарае был построенный на лежащих на высоте нескольких метров, на уровне сеновала, жердях «Савешник» – кто смотрел мультяш про Винни-Пуха, тот поймёт. Кроме света и музыки, там был ещё и отличный вид, открывавшийся сверху. Но жемчужиной этого строительного творчества была «Землянка». Самая настоящая землянка, выкопанная в огороде на пожаробезопасном расстоянии от всех сараев, оборудованная нарами, столом, а самое главное – железной печкой, которая топилась обычными мелкими дровами и позволяла сидеть там даже в самые суровые зимние морозы. (Слова «буржуйка» я тогда не знал.) Труба от неё возвышалась над насыпью и сугробом на ней и по-домашнему дымила.

Я болтался, по мере сил помогая строительству всего этого, а больше, конечно, мешая, и не допускался к поздневечерним и ночным посиделкам. Но про самый забавный эпизод, о котором вспоминают, хотя прошло уже почти пятьдесят лет, расскажу, хотя и не был при этом. Зимой сидели в Землянке, топили печку, общались. Надо полагать, что-то выпивали. Вдруг одному из участников захотелось «до ветру». Он вышел, остальные остались сидеть. Но вдруг из печки раздалось шипение, и Землянку наполнила страшная вонь, которая усиливалась с каждым мгновением. Пришлось спасаться бегством. Но сделать это было не так просто, потому что (внимание, надзорные органы!) в тесном помещении дверь открывалась внутрь! Потом выяснилось, что вышедший шутник всего лишь в трубу «справил малую нужду», если цитировать «Василия Тёркина».

Пожалуй, Землянка – это было последнее из «той» жизни. На соседском огороде всю орудовала тяжёлая техника. Забивали сваи под будущий трёхэтажный дом № 112. От мощных ударов, буквально в нескольких метрах, наш дом быстро приходил в негодность, и жить в нём дальше было нельзя. Дали квартиру, обещанием которой

кормили все восемь лет постоянных потопов, ничего не делая для их прекращения, и без нынешних ежегодных компенсаций от наводнений. Квартиру без всякой внутренней отделки, это приходилось делать самим, и поскорее, потому что оставаться зимовать в 1976 году было уже невозможно. Но в то же время бесплатную квартиру, довольно большую, по размеру семьи, без всех этих нынешних ипотечных проблем. В какой-то момент тяжёлый трактор проехал по нашей Землянке и разрушил её. А 24 ноября 1976 года мы переехали в благоустроенную квартиру, и старая жизнь закончилась...